

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Научная статья

УДК 327.5

doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).2.300-308

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА КАК СОВРЕМЕННЫЙ, ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Алексей Владимирович Петрянин¹, Станислав Юрьевич Богомолов², Дмитрий Александрович Неганов³

¹ Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, petryanin@mail.ru

² Казанское линейное управление МВД России на транспорте, г. Казань, Россия, shadow037@mail.ru

³ Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, nagan78@mail.ru

Аннотация. В статье представлен авторский взгляд на сверхопасный деструктивный феномен, именуемый гибридной войной. Отмечено, что борьба между государствами или внутри государства на каждом историческом этапе имеет свой эволюционный штамп. Показано, что гибридизация агрессии в первую очередь проявляется в одновременной попытке сокрушения всех значимых геополитических ценностей и пространств. Указано, что международное законодательство бессильно с точки зрения имеющихся юридических инструментов в противодействии гибридным войнам. Подчеркивается, что детерминантами сверхактивного развития гибридных войн выступает возникший в последнее десятилетие институциональный кризис мировой геополитической системы. Выделены концептуально взаимосвязанные идеи гибридной войны, дано ее авторское понятие. Определены следующие основные векторы рассматриваемой формы агрессии: активизация экстремистско-террористической деятельности; деструктивизация молодежи; транснациональная телекоммуникационная преступность. Предложены юридико-технические и государственно-властные направления противодействия гибридным войнам.

Ключевые слова: война, гибрид, гибридная война, государство, безопасность, национальная безопасность, обеспечение, экстремизм, терроризм, молодежь, преступность, телекоммуникации

Для цитирования

Петрянин А. В., Богомолов С. Ю., Неганов Д. А. Гибридная война как современный, деструктивный феномен // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 2. С. 300–308. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).2.300-308.

INTERSECTORAL ASPECTS OF SENTENCES EXECUTION

Original article

HYBRID WAR AS A MODERN, DESTRUCTIVE PHENOMENON

Alexey Vladimirovich Petryanin¹, Stanislav Yurievich Bogomolov², Dmitry Alexandrovich Neganov³

¹ Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, petryanin@mail.ru

² Kazan Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Transport, shadow037@mail.ru

³ Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, nagan78@mail.ru

Abstract. The article presents the author's view of the extremely dangerous destructive phenomenon called hybrid war. It is noted that the struggle between or within a state at each historical stage has its own evolutionary stamp. It is shown that the hybridization of aggression, first of all, manifests itself in a simultaneous attempt to crush all significant geopolitical values and spaces. It is indicated that international legislation is powerless, from the point of view of available legal instruments, in countering hybrid wars. It is noted that the institutional crisis of the world geopolitical system forms the determinants of the hyperactive development of hybrid wars. The conceptually interrelated ideas of hybrid wars are highlighted, and the author's concept is given. The following main vectors of the considered form of aggression have been identified: intensification of extremist and terrorist activities; destructivization of youth; transnational telecommunication crimes. Legal-technical and government directions for countering hybrid wars are proposed.

Keywords: war, hybrid, hybrid war, state, security, national security, security, extremism, terrorism, youth, crime, telecommunications

For citation

Petryanin A. V., Bogomolov S. Yu. & Neganov D. A. 2024, 'Hybrid war as a modern, destructive phenomenon', *Penal law*, vol. 19(1-4), iss. 2, pp. 300-308. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).2.300-308.

Рассмотрение столь сложного направления научного исследования целесообразно начать с раскрытия лингвистико-этимологической сущности понятий, образующих содержание центральной линии проводимого изыскания.

Что такое война в ее «классическом» понимании? Это борьба между государствами или внутри государства, обремененная обязательным применением оружия, борьба, основанная на враждебных отношениях [1, с. 93–94], то есть вражда – это неотъемлемая часть любых войн. Политологическая справочная литература определяет ее как форму разрешения политического конфликта с применением насилия [2]. В целом война рассматривается как возможный элемент существования человека разумного [3, с. 8–11]. Причем каждый исторический этап развития цивилизации имеет свой собственный вид войны с определенным эволюционным штампом, прямое влияние на который оказывают политические, социальные, экономические, научно-технические и иные достижения.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Продемонстрированные подходы указывают на сходство сущностных характеристик войны с общепризнанным содержанием понятия «экстремизм», введенного в научный оборот французским юристом М. Лероем, относящего к нему борьбу политических сил с использованием радикальных методов противостояния [4, с. 212–219]. Сегодня все чаще экстремистская деятельность ассоциируется с насильственными действиями, целью которых является дестабилизация и разрушение уже сформированных государственных, общественных, политических структур и институтов [5, с. 829], то есть современный экстремизм – это тоже своего рода гибрид, что подтверждается положениями ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Обратившись к ее содержанию, видим, что законодатель включил в экстремизм разносторонне деструктивные формы поведения, например, публичное оправдание терроризма, иную террористическую деятельность, а также воспрепятствование осуществлению гражданами своих избирательных прав и законной деятельности государственных органов. Гибридность этого деструктивного явления и есть первопричина в отсутствие понятия экстремизма в национальном законодательстве и его унифицированной, общепризнанной дефиниции на международной площадке. Отмеченное дает основание для выдвижения следующей научной гипотезы. Война наравне с терроризмом является крайней формой экстремистской деятельности, поскольку также основана на ненавистнических мотивах.

В энциклопедических и лингвистических словарях под гибридом понимается генетическое скрещивание организмов, имеющих определенные различия в родах, породах и сортах. Гибридизация представляет собой экспериментальный процесс, целью которого является получение какого-либо нового животного или растительного объекта [1, с. 129]. Интерпретируя отмеченное в рамках проводимого исследования, под гибридом следует понимать смешение всех возможных методов и рычагов давления со стороны агрессора.

С учетом отмеченных методологически значимых родовых характеристик в научный оборот на протяжении последних лет среди политологов, социологов и, конечно же, юристов активно вводится в научный оборот понятие «гибридная война». Рассматриваемая дефиниция имеет свои сущностные особенности и характеристики. Объектом гибридной войны выступают все главные сферы деятельности как государства и общества, так и отдельной личности.

Мы полностью согласны с учеными в том, что гибридизация в первую очередь проявляется в одновременной попытке сокрушения всех значимых геополитических ценностей и пространств [6, с. 128–137], относя к таковым политическую, экономическую и социальную сферы, информационное пространство, национальные, культурные и религиозные ценности как важнейшие базовые основы любого государства. Именно поэтому одной из главных движущих сил современных войн становятся деструктивные идеологические, народные, расовые, этнические и иные движения [7, с. 33–46].

Сегодня даже международное законодательство бессильно, с точки зрения имеющих юридические инструментов, в противодействии гибридным войнам. Сформированная ранее модель обеспечения мира и безопасности исчерпала себя. Например, одна из главных дефиниций – «агрессия», имеющая методологическое значение в проводимом исследовании, не может быть использована в области противодействия гибридным войнам. Ознакомление с ее содержанием, закрепленным в Резолюции 2214 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г., показало, что базовым признаком этого деструктивного феномена выступает обязательное и доминирующее применение вооруженной

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

силы [8]. В рамках военного противостояния активно применяются и «мирные», то есть ненасильственные, средства, так называемая мягкая сила в виде организованных атак на идеологические, технологические, экономические и иные элементы государственного устройства. Отмеченное в попытках нелегитимной мировой глобализации требует незамедлительного пересмотра содержания агрессии с учетом новых ее характеристик и закрепления соответствующей дефиниции в рамках правотворчества Организации Объединенных Наций. Это позволит дать толчок к развитию национальных законодательств и созданию эффективных унифицированных приемов борьбы с гибридными агрессорами. Доказывается это и тем, что, понимая опасность смешанных форм военных действий, апробируемых на планете, наиболее активные государства создают специальные структуры для нейтрализации и минимизации возможных последствий такого рода инновационного противостояния. В частности, в США создано «Бюро гибридных войн» [6, с. 128–137]. В целом выдвигается научная гипотеза о том, что традиционные формы военных конфликтов уходят в историю, заменяясь новыми формами противоборства [7], войнами нового поколения.

Детерминантами возникновения рассматриваемого явления и его сверхактивного развития выступает возникший в последнее десятилетие институциональный кризис мировой геополитической системы [9, с. 975–986], ставший основой дестабилизации и эскалации геополитической обстановки на планете. Инициаторы гибридной войны рассматривают ее как единственно верную и эффективную форму установления нового миропорядка.

Исследованием выделяемого глубоко отрицательного явления активно занимаются ученые всего мира. Однако понятие гибридной войны пока «неоперационализованное» [10, с. 269–283]. В настоящее время сформирована масса авторских дефиниций. Например, А. А. Ковалев рассматривает ее как форму межгосударственного противоборства, целью которой выступает дестабилизация всевозможных сфер государственного функционирования и жизнедеятельности, путем использования имеющегося у агрессора военного, политического, экономического и социального потенциала [9, с. 975–986]. Соглашаясь с частью базовых признаков, выделенных ученым, считаем, что оппонентами гибридной войны могут выступать не только две противоборствующие стороны, но и коалиции. Хотелось также подчеркнуть, что сегодня агрессорами активно используется информационный, культурный и религиозный ресурс.

Другие исследователи настаивают на том, что в гибридной войне всегда несколько акторов, не допускаются переговорные процессы и отсутствуют интеграционные институты [11, с. 253]. Представленная точка зрения также вызывает научный интерес по причине явного участия в современных противоборствах нескольких бенефициаров, использующих общий потенциал и имеющих общую цель.

У гибридной войны можно выделить ряд концептуальных, взаимосвязанных идей и целей. В качестве первой выступает навязывание противнику своей воли, второй – минимизация потерь своих человеческих и экономических ресурсов [12, с. 8], третьей – многообразие акторов, четвертой – разъединение людей между собой и отделение их от власти [13, с. 36–54], пятой – установление контроля над мировоззрением и ценностями страны-противника [14].

Учитывая происходящие события в России и на приграничных с ней территориях, с авторской точки зрения, к основным векторам рассматриваемой формы агрессии целесообразно отнести следующие: активизация экстремистско-террористической деятельности;

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

деструктивизация молодежи; транснациональная телекоммуникационная преступность. Именно на них мы сконцентрируем свое внимание в статье. Хотя требуют внимания и иные гибридные формы ненасильственного деструктивного, разрушающего воздействия, о которых говорят ученые, в частности, это искажение исторической правды, разрушение образования, культурных основ, спорта, эксплуатация глобальных пандемий и т. п. [15, с. 252–257].

Экстремистско-террористическая активность в последние несколько лет выступает в качестве одного из инструментов гибридных войн, комбинируя при этом как насильственные, так и ненасильственные методы борьбы. В частности, за последние два года совершено несколько дерзких атак. Так, 20 августа 2022 г. совершено убийство журналиста и политолога Дарьи Дугиной. 20 апреля 2023 г. в результате взрыва переданной Максиму Фомину (псевдоним Владлен Татарский) статуэтки со взрывчаткой военкор и писатель погиб. В преддверии празднования Дня Победы в 2023 г. была совершена еще одна террористическая акция. 6 мая 2023 г. было организовано покушение на Захара Прилепина путем дистанционного подрыва автомобиля, на котором он перемещался. Самой масштабной стала террористическая атака, произошедшая 22 марта 2024 г. в концертном зале «Крокус Сити Холл». В результате вооруженного нападения и пожара погибло более 140 человек.

Активизация экстремистско-террористической деятельности подтверждается следующими статистическими данными (размещены на портале URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>).

Таблица

Количество зарегистрированных преступлений террористического характера и экстремистской направленности за период с 2020 г. по март 2024 г.

№ п/п	Год	Преступления террористического характера	Прирост, %	Преступления экстремистской направленности	Прирост, %
1	2020	2342	+ 29,7	833	+ 42,4
2	2021	2136	– 8,8	1057	+ 26,9
3	2022	2223	+ 4,5	1566	+ 48,2
4	2023	2382	+ 6,7	1340	– 14,4
5	Январь – март 2024	691	+ 19,3	390	– 16,8

Показательными могут стать и данные Минюста России, ведущего учет общественных объединений и религиозных организаций, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации, и запрещенных экстремистских материалов. На 23 апреля 2024 г. число первых составило 107, а вторых – 5420. Росфинмониторинг также ведет реестр организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. На отмеченную выше дату в него вошло 552 организации и 14 478 лиц. Есть также единый федеральный список

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. В настоящее время он насчитывает 50 таких организаций.

Изложенное приближает к рассмотрению следующей формы гибридной агрессии – деструктивизации молодежи. Наиболее репрезентательно это можно проиллюстрировать на примере международного общественного движения «Арестантское уголовное единство (АУЕ)», признанного экстремистской организацией, и террористической организации «Международное молодежное движение "Колумбайн"». Их численность и количество актов агрессии постоянно увеличиваются, о чем свидетельствует судебно-следственная практика.

Замыкает выделенную нами триаду транснациональная телекоммуникационная преступность. Криминальный потенциал IT-технологий проник во все сферы противоправной деятельности. Практически любое умышленное и неосторожное общественно опасное деяние может быть совершено с их использованием. Отмеченные технологии не только упрощают криминальное поведение, но и в ряде направлений делают его массовым и глубоко латентным, причиняя тем самым колоссальный вред. Это прослеживается при совершении противоправных экономических деяний. Кибермошенничество занимает среди них лидирующие позиции. По мнению экспертов, ущерб от него составляет порядка 16 млрд рублей.

Рассмотренные формы гибридной агрессии создают реальную опасность национальной безопасности Российской Федерации, что требует незамедлительного принятия симметричных мер противодействия. Полагаем, что не последнее место в их реализации должно занять и отраслевое законодательство, особенно уголовно-правовой направленности. Например, обоснованным видится установление самостоятельной ответственности за незаконный наем для совершения любых криминальных деяний [16, с. 12]. Востребовано закрепление уголовно-правового запрета на использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) при совершении преступления [17, с. 13]. Актуальным также представляется включение в гл. 29 УК РФ статьи «Экстремистское посягательство на личность».

Следует еще раз отметить, что любая война основана на ненавистнических мотивах. В связи с этим особая роль в противодействии гибридным войнам принадлежит уголовно-исполнительному законодательству в рамках исправления осужденных за деструктивно-мотивационные преступления, в первую очередь экстремистско-террористические.

В свете проводимого исследования осуществление организационно-правового предложения видится в реализации двух основных направлений. Первое – это отдельное содержание осужденных за экстремизм и терроризм в рамках самостоятельных участков или исправительных учреждений. Это не только исключит их контакт с другими лицами, отбывающими уголовное наказание, но и повысит качество воспитательной работы в целях их демотивации. Второе – активное привлечение к процессу исправления субъектов государственно-частного партнерства в сфере исполнения наказаний, связанных с лишением свободы. Отмеченный вектор разрабатывается и обсуждается на площадке Академии ФСИН России. Активно развивает его доктор юридических наук, профессор А. П. Скиба, подготовивший и издавший несколько фундаментальных работ, а также организовавший ряд научно-представительских мероприятий, посвященных данной проблематике [18, 19, 20].

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Вышеизложенное предполагает реализацию системных мер в борьбе с гибридными войнами. Для этого необходима разработка их политических, социальных, культурных, религиозных и правовых основ. Полагаем, что такого рода государственно-властная реакция может быть представлена в рамках принятия доктрины, стратегии или концепции, а также создания государственного органа или структуры по противодействию гибридным войнам.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, гибридная война – это деструктивное, геополитическое явление, не имеющее территориальных границ, где главным агрессором выступают международные политические гегемоны, использующие разнообразные формы военного и невоенного разрушительного воздействия, задачей которых является сохранение однополярного мира в целях политико-экономического доминирования на планете. Во-вторых, эффективное противодействие гибридным войнам должно быть основано на имеющемся в России совокупном военном, политическом, социальном, культурном, религиозном и организационно-правовом потенциале, методология, идеология и основы которого должны быть определены в рамках отдельного государственно-властного документа концептуально-стратегического содержания. В-третьих, как верно отметил Президент России В. В. Путин, «мы другие люди, у нас другой генетический и культурно-нравственный код» [21, с. 2], который, с нашей точки зрения, и должен стать главным идеологическим стержнем – «русским оружием» в противодействии современным гибридным войнам.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
2. Погорелый Д. Е., Филиппов К. В., Фесенко В. Ю. Политологический словарь-справочник. Война. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2427088/page:6> (дата обращения: 10.04.2024).
3. Пацула А. В. Экономика гибридной мировой войны // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Сер. Экономика и управление. 2023. № 22. С. 8–11.
4. Писаренко О. Н. Экстремизм как социальное явление // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 212–219.
5. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В. И. Бородулин, А. П. Горкин [и др.]. М., 2005. 909 с.
6. Комлева Н. А. Гибридная война: сущность и специфика // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12, № 3(167). С. 128–137.
7. Черноперов В. Л., Сулейманова У. И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 33–46.
8. Кревельд М. Трансформация войны: пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Бук, 2005. 344 с.
9. Ковалев А. А. Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 5(350). С. 975–986.
10. Чижевский Я. А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война» // Политическая наука. 2016. № 2. С. 269–283.
11. Цыганов П.А. Гибридные войны в XXI веке: социальные и политические аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2015. № 4. С. 253.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

12. Бартош А. О гибридной агрессии и необходимой обороне // Независимое военное обозрение. 2021. № 1. С. 8.
13. Полынов М. Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2008. № 3. С. 36–54.
14. Бартош А. А. Гибридная война становится новой формой межгосударственного противоборства // Независимое военное обозрение. 2017. № 12.
15. Стрелецкий Я. И. Гибридная война: идеологический аспект // Kant. 2021. № 2(39). С. 252–257.
16. Пшеничных И. М. Ответственность за наем в российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование : дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 12.
17. Летелкин Н. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) : дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018.
18. Скиба А. П., Родионов А. В., Воронин М. Ю. О направлениях развития государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере // Правоприменение, 2023. Т. 7, № 1, С. 134–144.
19. Скиба А. П., Воронин М. Ю., Родионов А. В. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере: некоторые направления развития // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18, № 1. С. 10–23.
20. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере / А. П. Скиба [и др.]. Рязань : Академия ФСИН России, 2023. 220 с.
21. Путин В. В. По стандарту России // Российская газета. 2021. № 58. С. 2.

References

1. Ozhegov, S. I. & Shvedova, N. Y. 2006, 'Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions', *Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language*, 4th ed., A TEMP, Moscow.
2. Pogorely, D. E., Filippov, K. V. & Fesenko, V. Yu. 'Political science dictionary-reference book'. War. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2427088/page:6/> (viewed 4 October 2024).
3. Patsula, A. V. 2023, 'Economics of the hybrid World War', *Bulletin of the Central Russian University Educational Consortium. Ser. Economics and management*, iss. 22, pp. 8–11.
4. Pisarenko, O. N. 2010, 'Extremism as a social phenomenon', *Scientific problems of humanitarian research*, iss. 9, pp. 212–219.
5. Borodulin, V. I. & Gorkin, A. P. (eds), 2001, *New illustrated encyclopedic dictionary*, Moscow.
6. Komleva, N. A. 2017, 'Hybrid war: the essence and specificity', *Proceedings of the Ural Federal University. Social Sciences*, vol. 12, iss. 3(167), pp. 128–137.
7. Chernoperov, V. L., Suleymanova, U. I. 2021, 'Hybrid warfare: prerequisites for the emergence, concepts, essence, goals, tools, legal issues, risks', *Noospheric research*, iss. 3, pp. 33–46.
8. Kreveld, M. 2005, 'Transformation of War', Trans. from Eng. Alpina Business Book.
9. Kovalev, A. A. 2017, 'Discussion on the topic of confrontation and cooperation in modern politics: from "hybrid wars" to "hybrid peace"', *National interests: priorities and security*, vol. 13, iss. 5(350). pp. 975–986.
10. Chizhevsky, Ya. A. 2016, 'Development of military-political discourse: introducing the neologisms "asymmetric conflict" and "hybrid war"', *Political science*, 2016(2), pp. 269–283.
11. Tsyganov, P. A. 2015, 'Hybrid wars in the XXI century: social and political aspects', *Bulletin of the Moscow University. Sociology and Political Science*, iss. 4, p. 253.

12. Bartosh, A. 2021, 'On hybrid aggression and necessary defense', *Independent Military Review*, iss. 1, p. 8.
13. Polynov, M. F. 2008, 'The Cold War as a way of fighting the USA against the USSR', *Society. Wednesday. Development (Terra Humana)*, iss. 3, pp. 36–54.
14. Bartosh, A. A. 2017, 'Hybrid warfare is becoming a new form of interstate confrontation', *Independent Military Review*, iss. 12.
15. Streletsky, Ya. I. 2021, 'Hybrid war: an ideological aspect', *Kant*, iss. 2(39), pp. 252–257.
16. Pshenichnov, I. M. 2017, *Responsibility for hiring in Russian criminal legislation: theoretical and applied research: PhD thesis (Law)*, Nizhny Novgorod.
17. Letelkin, N. V. 2018, *Criminal law counteraction to crimes committed using information and telecommunication networks (including the Internet): PhD thesis (Law)*, Nizhny Novgorod.
18. Skiba, A. P., Rodionov, A. V. & Voronin, M. Yu. 2023, 'On the directions of development of public-private partnership in the penitentiary sphere', *Law enforcement*, vol. 7, iss. 1, pp. 134–144.
19. Skiba, A. P., Voronin, M. Yu. & Rodionov, A. V. 2023, 'Public-private partnership in the penitentiary sphere: some directions of development', *Penal enforcement law*, vol. 18, iss. 1, pp. 10–23;
20. Skiba, A. P., Ermasov, E. V., Maloletkina, N. S. & Petryanin, A. V. 2023, 'Public-private partnership in the penitentiary sphere', Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
21. Putin, V. V. 2021, 'According to the Russian standard', *Rossiyskaya gazeta*, iss. 58, p. 2.

Информация об авторах

А. В. Петрянин – доктор юридических наук, профессор, директор.

С. Ю. Богомолов – кандидат юридических наук, начальник.

Д. А. Неганов – кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин.

Information about the authors

A. V. Petryanin – Sc.D (Law), professor, director.

S. Y. Bogomolov – PhD (Law), head.

D. A. Neganov – PhD (Law), associate professor of the Department of legal disciplines.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 07.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted 07.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.